

П. К. Щебальский

Правление царевны Софьи

 КУЧКОВО ПОЛЕ
издательство

ИКС-ИСТОРИИ

Москва

2021

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47
Щ30

Публикуется по изданию:
Щебальский П. К.
Правление царевны Софьи. М., 1856.

Щебальский Петр Карлович
Щ30 Правление царевны Софьи. — М.: Изда-
тельство «Кучково поле»: Икс-Хистори, 2021. —
256 с.; 8 л. ил.

ISBN 978-5-6046483-1-5

Краткое правление царевны Софьи (1682–1689), старшей сестры Петра, в русской историографии навсегда осталось в тени правления ее младшего брата, ставшего известным под именем Петра Великого. Тем всегда интереснее обращение историков ко времени, непосредственно предшествовавшему эпохальным преобразованиям в истории России.

Петр Карлович Щебальский (1810–1886) — практически неизвестный современному читателю российский историк и публицист позапрошлого столетия. «Правление царевны Софьи», выпущенное в свет в середине XIX века, представляет собой первый из исторических трудов плодovitого и талантливого автора.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)47

ISBN 978-5-6046483-1-5

© ООО «Икс-Хистори», 2021

© ООО «Издательство
«Кучково поле», 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

История царевны Софьи (1657—1704), бывшей недолгие семь лет правительницей при своих младших братьях Иоанне и Петре, трагична и уникальна одновременно. К настоящему времени она детально и обстоятельно изучена. Отметим лишь, что конфликт Софьи за власть с Петром был по сути предопределен с самого начала, а именно с того момента, когда Софья, спровоцировав после смерти царя Федора Алексеевича майский мятеж 1682 года, на волне Стрелецкого бунта, пользуясь физической и душевной болезненностью не способного к самостоятельному царствованию Иоанна и малолетством Петра, узурпировала власть, объявив себя регентшей.

Дальнейшие события общеизвестны. В 1689 году семнадцатилетний Петр женится по настоянию матери Натальи Кирилловны на Евдокии Лопухиной, становясь по понятиям того времени совершеннолетним. Таким образом, никаких формальных прав оставаться регентшей у Софьи уже не было. Но и добровольно отдавать власть младшему брату, который неожиданно для нее за его полудетскими играми с живыми «потешными» солдатиками возмужал, Софья не собиралась. Однако Петр уже оказался способен сам постоять за себя: в ходе противостояния у стен Троице-Сергиевой

лавры власть Софьи и поддерживавших ее стрельцов пала, а сама она до конца своих дней была заточена в Новодевичий монастырь. С этого момента начинается эпоха Петра, который в отечественной истории получил имя Великого.

Как известно, история пишется победителями. К тому же длительное и блистательное царствование Петра I (1689–1725), само время правления которого стало называться по его имени — петровской эпохой; царя, выведшего в глазах современников и потомков старую, полуазиатскую Московию на «феатр мировой славы», превратившего древнюю, сонную Русь в мощную Российскую империю, европейскую державу с сильной регулярной армией и морским флотом, совершенно заслонили как в сознании, так и в обывательском интересе недолгое время правления его сестры Софьи. Начиная с XIX века российские (а вслед за ними и иностранные) историки и публицисты если и обращались к царствованию Софьи, то лишь кратко и вскользь, оценивая годы ее нахождения у власти сквозь призму достижений петровской эпохи. При таком подходе правление российской царевны неизбежно оказывалось закостенелым в своей реакционности, а резкий, во многом насильственный разрыв Петра с «московской Русью» — исторически оправданным и необходимым.

Одним из первых, кто попытался объективно взглянуть на годы правления Софьи, стал историк и публицист Петр Карлович Щербальский (1810–1886). В 1856 году он опубликовал в «Русском вестнике» свой очерк о правлении амбициозной московской царевны. В том же году труд Щербальского о Софье был выпущен отдельной книгой и переведен на французский язык (в то время язык международной дипломатии), что свидетельствовало о несомненном успехе и признании заслуг автора, опубликовавшим свое первое историческое произведение.

В процессе написания материала о царице Софье П. К. Щебальским был использован довольно большой и разнообразный перечень доступных для исследователя на тот момент российских и зарубежных источников, преимущественно эпистолярного жанра. Отдавая должное (и в некоторой степени находясь под обаянием) величия личности Петра I и значения итогов его деятельности по коренному переустройству России, Щебальский тем не менее попытался объективно взглянуть на годы правления Софьи, находя в них зачатки (не реализовавшиеся в силу исторических обстоятельств) многих из будущих преобразований российского царя-реформатора.

На страницах своего повествования Щебальский показывает читателю органичность правления Софьи для русской истории и во многом закономерность смены ее власти правлением Петра Великого.

Строго говоря, работа Щебальского «Правление царицы Софьи» — это историческая публицистика, размышления автора на тему о роли и значении времени царицы Софьи в русской истории. К тому же автор не был профессиональным историком.

Происходя из небогатых дворян Псковской губернии, юный Петр Щебальский начал строить свою карьеру по наиболее проторенному и логичному для молодых людей его происхождения и достатка пути — военному. Тем более что в российском обществе еще были живы воспоминания о громких победах России в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах русской армии. Поначалу все вроде бы складывалось совсем неплохо: артиллерист Щебальский успешно постигал премудрости военной науки. В 1836 году, спустя всего лишь семь лет после начала военной карьеры, он служил уже в элитной гвардейской артиллерии. Но случившаяся в 1842 году нелепая дуэль — бич многих российских офицеров того вре-

мени — казалось, перечеркнула его поступательную военную стезю. За участие в ней Петр Щебальский был разжалован в канониры и отправлен в действующую армию на Кавказ. Наказание было более чем суровым: при постоянных столкновениях с горцами шансов остаться в живых у него было совсем немного.

Однако высшие силы, вероятно, хранили Петра Карловича для будущих свершений на исторической ниве: за шесть лет службы на передовой Щебальский не раз отличился в жарких сражениях, был приставлен к наградам за проявленные отвагу и храбрость и в конце концов прощен, восстановлен в прежнем чине и в 1848 году возвращен в гвардию. Однако дальнейшему продвижению по службе помешало... отсутствие средств. В начале 1854 года он был повышен в должности до командира 1-й батареи Лейб-гвардии Конной артиллерии, но командная должность подразумевала собственные большие расходы (в первую очередь на регулярные приемы во время смотров и инспекций вышестоящего начальства), а свободных лишних средств Щебальскому взять было неоткуда. А посему ради хлеба насущного в середине того же года он был вынужден оставить артиллерию, чтобы стать московским полицмейстером. Еще через четыре года Щебальский окончательно распрощался с военной службой, выйдя в отставку с чином статского советника. В конце 1858 года он был причислен к Министерству народного просвещения.

Именно с этого времени и начинается в полной мере раскрываться талант Щебальского как историка-публициста. Будучи чиновником особых поручений при Главном управлении цензуры, Петр Карлович в течение почти четырех лет делал регулярные обзоры современной ему российской журналистики: итоговые доклады шли непосредственно императору Александру II.

Одновременно Щебальский много и усердно занимался самообразованием, а в российской периодике одно за другим выходили его историко-публицистические сочинения (очерки, заметки, рецензии, отзывы, критические статьи и проч.) на самые различные темы и сюжеты из русской истории.

Последние полтора десятка лет своей жизни Петр Карлович провел в Царстве Польском, входившем тогда в состав Российской империи. Здесь, на спокойной и склонной к мятежу европейской окраине России, он продолжил свою историко-просветительскую деятельность, будучи вначале начальником Сувалкской, а затем и Варшавской учебной дирекций. Работая буквально до последнего дня, в течение трех лет (1883–1886) Щебальский был редактором «Варшавского дневника», ставшего при нем влиятельным и популярным рупором российской правительственной линии в Польше. Кстати, значительная часть публицистического наследия П. К. Щебальского посвящена перипетиям российско-польских взаимоотношений, начиная со времен раннего Средневековья.

Будучи по природе человеком весьма деятельным и энергичным, Щебальский не оставался в стороне от современного ему историко-литературного процесса, своевременно откликаясь взвешенными критическими статьями и заметками на выходившие в свет исторические и литературные новинки. Так, среди адресатов его публикаций были и критический разбор вышедшего в свет очередного тома «Истории России» С. М. Соловьева, и новый исторический роман писателя И. И. Лажечникова, и историческая фактура в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», и разбор исторических и историко-философских сочинений Н. И. Костомарова и Н. Я. Данилевского и многих других, гораздо менее известных широкому читателю авторов и их сочинений.

Но самым первым историческим трудом Щербальского, еще во время его службы в полиции, стало «Правление царевны Софьи» (1856). Этот первый опус автора обнаружил уже известную зрелость Щербальского как историка-публициста. За прошедший век творческое наследие автора оказалось основательно забыто. Труды П. К. Щербальского ныне практически не известны не только широкому кругу читателей, но и многим современным историкам.

В приложении к книге публикуется исторический очерк историка Е. Ф. Шмурло «Падение царевны Софьи», впервые увидевший свет в январском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1896 год.

Дмитрий Зелов

ГЛАВА I

События, последовавшие за смертью царя Феодора Алексеевича, составляют одну из самых кровавых и в то же время самых интересных страниц нашей древней, допетровской истории. Тут есть все, что привлекает внимание любопытного наблюдателя минувших времен: драматическое движение, игра страстей, зародыш нововведений, борьба партий, первые попытки обширных политических соображений, отдаленные походы посреди безводных, пылающих степей, полузакрытые от нас таинственной завесой... Царевна Софья, Голицын, великий министр, и отрок Петр, вот лица, стоящие на первом плане этой картины: их одних довольно, чтобы приковать наше внимание, но позади этих ярко выдающихся фигур мы замечаем достойного и несчастного Матвеева, Милославского, интригующего даже у дверей гроба, Хованского с фантастическими его замыслами, и вдали буйную массу стрельцов с одной стороны, с другой — Лефорта, Шереметева, Меншикова, ряды потешных и флаги первых судов русских: это — панорама всей истории нашего Отечества.

Действительно, независимо от собственного обширного интереса эпоха, к описанию которой приступаем, как грань между допетровской и новой Россией,

есть черта, где сходятся та и другая, и откуда легко и ясно обозреваем мы то, что лежит позади ее и что перед ней, то есть последки старины и зачатки нововведений.

Эпоха Петра помрачает эпоху Софьи, но в общем движении отечественной истории они нераздельны и взаимно объясняют одна другую. Как будем мы судить о делах Петра, если сначала не определим со всевозможною отчетливостью того положения, в котором принял Россию этот великий человек, исходного пункта, из которого двинул он ее далее? Стрелецкие мятежи и правление Софьи суть вступительные главы в истории Петра.

Нигде не было такого простора действию придворных партий, как в древней России, и этому виною — одною из главнейших, по крайней мере, — был обычай царей вступать в брак с дочерьми своих подданных. Человек, несущий на раменах¹ своих судьбы целого народа, необходимо должен иметь привычных помощников в деле правления, людей, которые применились бы к его правительственным приемам и вдохновились его идеями; когда же он умирает, весьма часто вместе с ним удаляются и его сотрудники, и если не новые идеи, то новые применения их и новые люди вступают на места прежних. Подобное изменение личного состава правительства повсюду более или менее значительно; когда же государя окружают люди, не только доверенностью или милостью его взысканные, но его родственники, как в древней России, и когда вслед за новым царем вторгается на ступени престола готовый уже штат временщиков, родственников нового царя, то происходит весьма часто потрясение в высших правительственных сферах.

В этом отношении особенно несчастливо было то, что оба царя, правившие Россией во второй половине XVII столетия, вступали два раза в супружество, то

есть имели вокруг себя двойное число родственников, двойное число претендентов на милость, на почести, на богатство.

Царь Алексей, как известно, имел первой супругой Марью Ильиничну Милославскую. По счастью, об этом браке сохранилось несколько любопытных подробностей, которые дают понятие о происках, сопровождавших избрание царских невест. Когда молодой царь объявил о своем желании вступить в супружество, по старинному обычаю потребованы были ко двору дочери знатных и незнатных дворян русских. Из большого числа созванных девиц выбор царя остановился на дочери Рафа Всеволожского. Всеволожский был небогат, незнатен, не имел связей, и, следовательно, выбор царя не нравился ни одному из сильных людей, окружавших престол. Всех могущественнее тогда при дворе был боярин Морозов; для него брак царя был особенно важным делом, ибо мог или упрочить, или передать в другие руки его могущество. У него была в виду иная невеста для государя, девица замечательной красоты², хотя несколько старше царя, и главное — принадлежавшая к преданной ему фамилии Милославских. Но для этого надобно было уничтожить сделанный уже выбор. Отважный временщик не отступил перед этою трудностью: он купил царского волосочеса, который, убирая к венцу несчастную девушку, затянул ей волосы так туго, что она упала в обморок. Обморок этот представили как припадок падучей болезни, и дочь Всеволожского была отправлена вместе с отцом своим с порога царских чертогов в ссылку³.

После этого уже не много труда стоило Морозову склонить царя к браку с Милославской. Через несколько времени после свадьбы царской праздновалась свадьба и самого фаворита с сестрою новой царицы.

Таким образом могущество Морозова казалось надолго упроченным; по крайней мере для этого были приняты все позволительные и непозволительные меры. Тем не менее он пал. Место его занял другой родственник царицы, Иван Михайлович Милославский. Человек этот играл одну из значительнейших ролей в эпоху, к которой мы приближаемся; незнатный по своему происхождению, он умел вкратиться в доверенность к Морозову во время его могущества, был преданным ему человеком и много работал за него. Брак же государя с его родственницей возвысил его до той степени, на которой уже не страшны удары временщиков. Милославский, прочно утвердившись при дворе, не страшился более гнева, как и не искал покровительства Морозова, и когда тот пал, он заступил его место.

Достигши высокой степени значения при дворе и могущества, Милославский мог надеяться долго на ней удержаться, потому что Марья Ильинична даровала царю многих царевен и царевичей. Но в 1669 году Марья Ильинична скончалась; царь, еще в полном цвете сил и здоровья, мог пожелать вступить во вторичный брак, и положение Милославского, мало любимого и уважаемого царедворцами, сделалось несколько шатким.

Оно сделалось еще более сомнительным, когда стал быстро возвышаться в милости царской Артамон Сергеевич Матвеев. Замечательный этот человек происходил, подобно Милославскому, из незнатной фамилии, но возвысился не придворными происками, не угодливостью любимцам, а личными своими доблестями. Он начал с военного ремесла; являлся исправно на службу, бился бодро, не выпрашивал наград и повышений и приобрел к себе уважение войска. Царь заметил его, угадал в нем способности гражданские, вызвал в Москву и после смерти знаме-

нитого Ордина-Нащокина поручил ему Посольский приказ. С этой поры милость к нему царя ежедневно возрастала и наконец обратилась в сердечную дружбу. И Матвеев вполне оправдывал ее, потому что кроме беспредельной преданности особе государя он был человек строгой честности гражданской и высокой христианской добродетели; вся Москва разделяла в отношении к нему чувства царя⁴. Кроме того, он был один из образованнейших людей своего века в России: не имея близких связей с знатными боярами, он проводил свободное время в занятиях кабинетных либо в беседах с иностранцами. Он образовал из своих дворовых людей оркестр и труппу актеров, и царь сам часто присутствовал на концертах и драматических представлениях, которые давались в его доме.

После смерти Марии Ильиничны государь стал особенно часто посещать Матвеева; просиживал у него многие часы и запросто разделял с ним трапезу. Известно, что женщины в те времена не участвовали в приеме гостей, но к столу собиралось все семейство и весьма часто вся дворня. Ужиная однажды у своего любимца⁵, царь увидел девушку, которая поразила его скромностью своей и красотой; она была высока ростом, стройна, и большие темные глаза ее, опущенные длинными ресницами, дышали душевной добротой⁶. Это была Наталья Кирилловна Нарышкина. Царь сочетался с ней браком в 1671 году, и положение лиц и партий при дворе мгновенно изменилось: Милославские вынуждены были уступить место у престола Нарышкиным; братья молодой царицы были взяты в комнату, возведены в чин окольных, в ожидании новых предлогов к повышениям; отец ее, Кирилл Полуектович, в короткое время был сделан боярином, главным судьей в Приказе Большого дворца и получил от щедрот царских 9000 душ⁷; Матвеев же произведен в течение четырех лет из думных

дворян в бояре, а сын его Андрей⁸, еще отроком, взят в комнату.

С небольшим через девять месяцев после этого брака царица разрешилась сыном, который был наречен Петром.

О рождении и по случаю рождения этого младенца, которому суждено было наполнить свое время славою своих дел, существует множество любопытных преданий; современное образование отвергает многие из них; может быть, и даже очень вероятно, большая их часть была придумана впоследствии воображением народным, которое поражено было величием Петра, или угодливостью малопросвещенных историков, но многого невозможно отвергать совершенно. Что гороскопы новорожденного младенца были деланы, это весьма сходно с обычаями того века и всеобщей тогда верою в астрологию; что гороскопы эти предсказывали будущее величие Петра, весьма согласно с обычаями придворных астрологов и сверх того подтверждается несомненными доказательствами⁹; наконец, не подлежит сомнению, что ранние, необыкновенные способности Петра, его цветущее здоровье и бодрый, пылкий его нрав с младенчества обратили на него внимание народа и привязали к нему сердца современников. Это предпочтение и эта всеобщая к нему симпатия должны были еще увеличиться чрез сравнение его с братьями, рожденными от покойной царицы. Царевич Феодор был юноша разумный и украшенный многими добродетелями, но болезненный и недолговечный; царевич же Иоанн, кроме слабости физической, был скорбен главою, как выражались в то время, и не представлял довольно тех качеств, которых вправе желать народ от своего правителя.

Немудрено, что царь, задумываясь иногда о будущей судьбе России, желал из троих сыновей своих видеть Петра на престоле. С другой стороны, он пони-

мал, что нарушать порядок престолонаследия, основу спокойствия монархий, — не должно без особенно важных причин, да и свойства Феодора представляли все условия и вероятности мудрого правления, не обеспечивая только его долговечия. Итак, когда смерть застигла Алексея Михайловича, по праву первородства вступил на престол Феодор. Это опять дало новый поворот колесу придворной фортуны: те, которые были внизу, поднялись; которые были наверху, опустились. Милославский, родственник молодого царя, занял с своими друзьями первое место у престола. Боярин этот, злой и мстительный, считавший Матвеева своим врагом, направил теперь против него огромную интригу, в которой приняли участие все не желавшие видеть Петра на престоле; Матвеев был обвинен в чернокнижии, и даже в покушении на царскую жизнь, и сослан в Пустозерский острог¹⁰.

Милославский сделался всесильным; его лета, опытность, изворотливый ум и родство с царем давали ему неоспоримое превосходство над прочими приближенными молодого царя, людьми по большей части довольно посредственными, каковы были Хитрово, Волынский¹¹ и многие другие. Один только из сотрудников царя в последние годы начал становиться опасным Милославскому: это был Иван Максимович Языков. Подобно другим временщикам того века, он вышел из рядов мелкого дворянства, но при покровительстве дядьки государева, боярина Хитрово, в короткое время возвысился до сана боярского, сделался любимейшим советником царя и далеко обогнал бывшего своего покровителя, которому, говорит один из старинных писателей, «он жестокою бразду или удила в зубы положил»¹².

Однако ж положение всех этих любимцев было сомнительно по причине слабости здоровья государева. Надежда польстила было им, когда царица

даровала престолу наследника, но через несколько дней и младенец, и мать скончались, Феодор, не надеясь более иметь детей, не надеясь и сам прожить долго, начал помышлять о назначении себе преемника. Брат его Иоанн хотя и приближался к совершеннолетию, но по-прежнему оставался слабым телом и духом, способности же и бодрый дух Петра развивались с каждым днем. Наставник его, Зотов, умел дать полезное направление порывам его пылкой природы в народе ходили тысячи рассказов о его ранних способностях и о нежной привязанности к нему вдовствующей царицы, которая в нем одном находила отраду посреди мало расположенного к ней двора. Феодор видел все это и решил назначить Петра своим наследником. Он открылся в этом Языкову: «Брат мой Петр, — говорил он, — здрав и оделен от Бога всеми достоинствами и достоин наследия державного престола российского. Родитель мой еще имел намерение его наречь преемником, но ради юных его лет назначил меня. По воле его сделаю и я!»¹³

Нам нет нужды знать, был ли Языков злейшим врагом вдовствующей царицы, как говорят некоторые современники, или он доброжелательствовал ей более других придворных, как полагают иные. Языков был честолюбив, и потому уже ему трудно было согласиться добровольно уступить свою власть родственникам вдовствующей царицы. Естественно поэтому, что он старался отклонить царя от его намерения. Он говорил о бедствиях, постигающих государство при малолетних правителях, умолял не нарушать порядка престолонаследия и советовал лучше самому Феодору вступить во вторичный брак. Царь согласился и в 1682 году сочетался с девицею Марфой Матвеевной Апраксиной. Но брак этот не обещал престолу прямых наследников; здоровье Фео-

дора Алексеевича с каждым днем становилось хуже, и наконец он слег, чтоб более не вставать.

Можно вообразить себе, сколько интриг кипело вокруг одра умирающего царя. Языков и прочие любимцы Феодора, не имевшие прочных связей при дворе, а следовательно, и видов на будущее, скоро исчезли посреди столкновения враждебных интересов Милославских и Нарышкиных, которые одни заняли арену. На борьбу этих двух партий было обращено всеобщее внимание; будущность должна была решиться между ними: от них зависело, Петру ли царствовать или Иоанну? Милославские выставляли право первенства Иоанна Алексеевича, Нарышкины опирались на намерение, приписываемое обоим царям, назначить себе наследником Петра. Множество бояр и других знатных людей поспешили из своих поместий в Москву и становились под знамена той или другой партии. Нарышкины успели заинтересовать в свою пользу царицу, которая выпросила у супруга своего облегчение участи Матвеева: он переведен был из дальней своей ссылки в город Лух¹⁴ и получил небольшую вотчину в вознаграждение за долгую опалу. Это был важный успех со стороны Нарышкиных: Матвеев был первый человек их партии, и в решительную минуту для них выгодно было иметь его поблизости от Москвы. Милославские с беспокойством увидели этот успех своих противников и поспешили противопоставить влиянию царицы Марфы Матвеевны влияние царевны Софьи Алексеевны.

Здесь мы приостановимся в рассказе нашем, чтобы ближе ознакомиться с этим новым и главнейшим лицом вновь завязывавшейся драмы. В высочайшей степени было бы любопытно проследить психологически развитие этого сильного и необыкновенно самобытного характера. В настоящее время не легко постигнуть всю необычайность явления в России поли-

тической женщины. В самом деле, теперь женщинам открыты многие поприща; художество, литература, наука, даже политика; целый век могущества женщин во Франции, и несколько раз возобновлявшиеся женские царствования, громкие и славные, приучили нас видеть женщин в высоких политических ролях, а как скоро известность и слава стали доступны им, честолюбие сделалось в них довольно естественным чувством. Но в XVII веке русским женщинам едва ли было возможно мечтать о власти даже в домашнем, хозяйственном быту; дочерям же и супругам царей еще, может быть, менее, чем в частной сфере. Сочетаться браком с иностранными принцами не позволяли нашим царевнам господствовавшие тогда понятия и нравы, выходить же замуж за простых граждан считалось ниже их достоинства. Поэтому они обрекались безрадостному и бесполезному одиночеству; жизнь их должна была протекать в тихом уединении; однообразной нитью проходили их грустные дни, посвященные вышиванию шелками и золотом, или ничтожным сплетням с боярынями и сенными девушками, да исполнение внешних обрядов. Они рождались, жили и умирали, не ведая ничего, что вокруг них совершалось, и сами никому неизвестные. Даже в церковь ходили они, говорит современный иностранец Мейерберг, по особой галерее; прогуливаться ездили в плотно закрытых экипажах, окруженные всегда штатом придворных дам и девиц, недоступные даже взору мужчины, так что, прибавляет тот же путешественник, из множества придворных сановников, беспрестанно наполнявших дворец, весьма немногим случалось во всю свою жизнь мельком увидеть дочь или супругу царя. Стольники, состоявшие при них¹⁵, были отчисляемы в другую службу с наступлением известного возраста. Сам царь, вследствие полувосточных нравов старинной России, редко позволял себе

разделять трапезу с супругою своею, с дочерьми же почти никогда того не случалось. Каким же образом при таком строгом отчуждении от всякого внешнего влияния могла царевна Софья войти в сношения с политической партией? Как вообще могли в душе ее родиться властолюбивые помыслы? Откуда могла взяться в ней жажда деятельности? К сожалению, мы имеем весьма мало данных для разрешения этого любопытного вопроса и принуждены здесь, как и во многих других случаях, ограничиться соображениями и догадками.

При царе Алексее было несколько людей в Москве, которые начинали чувствовать какую-то смутную потребность развития несколько более широкого, чем старинно-русское; которые инстинктивно скорее, чем по сознанию, сочувствовали глухо достигавшим до них отражениям западных идей. Замечательнейшим из таких людей был Матвеев, поставленный своим положением как начальник Посольского приказа в довольно частые сношения с иностранцами. Доказательством его хоть несколько европейского развития служит то, что он первый в России завел драматические представления и оркестр музыки. Разумеется, и в сочинении, и в исполнении этих пьес было весьма мало художественного, но подобные занятия, по крайней мере, отнимали время у бражничества и уже в этом одном отношении приносили свою пользу. Сам царь, как было уже сказано, любил эти забавы, эти западные ухищрения и, не сознавая, без сомнения, того сам, поддавался влиянию проникавшего в Россию просвещения.

В то же время был другой человек, едва ли не более еще Матвеева содействовавший успехам начинавшегося движения при московском дворе. Это был известный Симеон Полоцкий. Уроженец нынешних западных губерний наших, он получил воспитание

Оглавление

Предисловие	5
Глава I	11
Глава II	62
Глава III	91
Глава IV	132
Приложение. <i>Шмурло Е. Ф.</i> Падение царевны Софьи	170
Примечания	229